

АННА СОРОКА
СОНЯ МИРОНОВА

БОЛЬШИЕ
ПУТИ
НАЧИНАЮТСЯ
ЗДЕСЬ

ТАЙГА

МОЙ ПОЛИЩЕЙСКИЙ

СТАНЦИЯ НАЗНАЧЕНИЯ

Соня Миронова

**Мой полицейский.
Станция назначения**

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой полицейский. Станция назначения / С. Миронова —
«Автор», «Автор», 2026

Я уехала на край земли, чтобы спасти шестилетнего сына от бывшего мужа. Работа дежурной на таежной станции, морозные смены и тихая жизнь — большего я не просила. Но однажды Крюк появился на перроне и потянул Даньку к рельсам. Между нами и бандитским ножом встал капитан полиции Глеб Северцев. Теперь мы живем в его доме. Он чинит сыну деревянный паровозик, а я пеку шаньги и ловлю себя на том, что жду прикосновения его рук. После пережитого страшно снова довериться мужчине. Только бывший не собирается отступать: под угрозой уже не одна наша семья, а вся станция. Сумею ли я перестать бояться любви, когда за окнами снова сгущается опасность?

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Сорока

Мой полицейский. Станция назначения

Мой полицейский. Станция назначения

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Мороз за стеклом дежурки перевалил за тридцать два, и станционный термометр на темно-красной кирпичной стене казался намертво застывшим в ртутной коме.

Я затянула брезентовый ремень тяжелой служебной сумки через плечо, привычно приладив ее к правому бедру так, чтобы не сковывала движений. В сумке глухо звякнули чугунные пломбираторы, монолитные стальные путевые штампы и связка латунных ключей от семафорных замков — надежная, привычная тяжесть дежурного по станции, с которой я не расставалась ни на одну суточную смену. Поправила форменную шапку-ушанку, потуже затянула серый шерстяной шарф поверх шинели и толкнула обитую войлоком дверь станционного садика.

— Мама пришла! — Данька соскочил с деревянной лавки, сияя карими круглыми глазами. В руке он сжимал старый деревянный паровозик с неровно прибитыми колесиками — последнюю память о покойном дедушке Сергее. Старый обходчик Митрич недавно подправил у игрушки расшатавшиеся оси.

— Одевайся, сыночек. На улице стужа лютая, нос отморозишь, — я опустила перед ним на колени, натягивая валенки с галошами, застегивая овчинную шубейку и завязывая ушанку под подбородком. Шесть лет моему мальчику — шесть лет постоянного, подспудного страха за его жизнь, которую я вырвала из ада прошлой жизни ценой побега на край земли.

Мы вышли на перрон.

Воздух снаружи был сухим, ломким и острым, словно толченное стекло. Каждый вдох обжигал гортань колючим пламенем. Над путями узловой станции Магистральный стояла белесая пелена: маневровый паровоз осаживал состав на шестой путь, и клубы кипящего локомотивного пара, смешиваясь со стужей, стелились по мерзлым рельсам непроницаемым туманом. Скорый «Москва — Владивосток» уже выдыхал остатки пара у первой платформы, его рубиновые хвостовые огни мерцали во мгле двумя каплями свежей крови.

— Мам, а скорый далеко поедет? — спросил Данька, перебирая ножками по утопанному насту. Его маленькая варежка доверчиво утопала в моей ладони.

— До самого океана, Данюша. До самого края земли.

Мы поравнялись с багажным павильоном, где фонари почти не пробивали морозную тьму. И в эту секунду из клубов пара прямо мне наперерез шагнула мужская фигура в распахнутом тяжелом пальто. Руки человек держал глубоко в карманах.

Когда тусклый свет станционного фонаря скользнул по его лицу, земля под моими ногами ушла в бездну.

Широкое, землисто-серое лицо. Кривой рваный шрам, рассекающий левую бровь до самого виска. Желтые прокуренные зубы в глумливом, плотоядном оскале. И эти глаза — мутные, выцветшие глаза матерого уголовника и тирана, не знающие пощады.

Илья Крюков. Мой бывший муж, отсидевший пять лет за вооруженный разбой. Человек, от которого я три года назад бежала на восток и лишь два месяца назад добралась до этой глухой таежной станции, вздрагивая от каждого ночного шороха за окном.

— Ну здравствуй, Юляша, — захрипел он, обдавая меня застарелым перегаром и тюремной сыростью. — Думала, за Байкалом спрячешься? Думала, Крюк тебя не достанет? Сына отдавай по-хорошему. В тайгу увезу, моим волчонком вырастет. Хватит ему сопли на твоей юбке мотать. А пикнешь — прямо здесь у вагона перо в бок суну.

Горло перехватило спазмом, но внутри вскипела глухая материнская ярость. Я мгновенно дернула Даньку себе за спину, прижав к замороженной кирпичной стене павильона.

— Назад отойди, Илья! — мой голос звенел от ледяной ненависти. — Здесь станция, здесь полиция!

Крюк ослабился шире, делая шаг вперед. А из темного проема между складом и стрелочной будкой неслышно вынырнула вторая тень — сутулый уголовник Рябой, перехвативший в руке граненую заточку. Кольцо замкнулось, намертво отрезая путь к освещенному входу в вокзал.

— Помогите! Смена, на пути! — крикнула я что было сил.

Но в этот миг маневровый локомотив с оглушительным визгом стравил воздух из тормозной магистрали. Белый шквал раскаленного пара накрыл перрон, грохот железа сотряс платформу, и мой крик утонул в реве компрессоров, словно шелест сухой листвы.

Крюк бросился вперед. Его когтистые пальцы вцепились в воротник овчинной шубейки Даньки, с силой волоча плачущего ребенка на рельсы, к грузовому тупику!

— Мама! Мамочка! — в ужасе заверещал Данька, цепляясь варежками за мои форменные пуговицы.

В глазах у меня потемнело. Страх, копившийся годами побоев, сторел в одну долю секунды. Обеими руками я перехватила широкий ремень сумки дежурной, где лежали пудовые чугунные пломбираторы и стальные штампы, раскрутила ее всем корпусом и со всего размаха впечатала железный угол сумки Крюку прямо в переносицу.

Раздался сухой, отвратительный хруст ломаемого хряща.

Крюк взвыл по-звериному, выпустил шубку сына и рухнул на колени, обеими руками зажимая лицо, откуда сквозь пальцы хлынула темная горячая кровь, парящая на морозе.

— Ах ты тварь!.. — взревел Рябой. Заметив, что главарь ослеплен, он с занесенным клинком кинулся на меня, целясь в горло. Поднять тяжелую сумку я не успевала — инерция закрутила корпус. Единственное, что я смогла — развернуть Даньку за спину и закрыть его своим телом, зажмурившись и приготовившись принять сталь.

И в этот миг морозную тишину станции разорвал хлесткий, сухой грохот выстрела!

Пуля взбила ледяную крошку в сантиметре от носка стоптанного сапога бандита. Рябой отшатнулся, замахал руками и едва не рухнул на рельсы от неожиданности.

— Стоять, падаль! Руки за голову, на колени! — раскатился над перроном низкий, вибрирующий сталью бас начальника линейного пункта.

Сквозь рассеивающийся пар широкими шагами шел капитан Глеб Северцев. Огромный, в расстегнутом темно-сером суконном пальто и каракулевой офицерской шапке, он казался несокрушимой гранитной скалой. В его правой руке вороненой сталью поблескивал табельный пистолет Макарова, направленный прямо в лоб Рябому.

Крюк, стоя на коленях и размазывая кровь по лицу, понял, что внезапный налет провален. Подлю толкнув Даньку ногой в глубокий сугроб водоотводной канавы, главарь нырнул за колесные тележки почтового вагона и растворился в темноте грузового парка.

— Данька! — я бросилась на колени в мерзлый снег канавы, прижимая вздрагивающего сына к груди.

И в эту же секунду надо мной выросла исполинская фигура Северцева. Он встал на краю насыпи, заслоняя нас широкой спиной от нападающего с ножом. Его могучая фигура в толстом сукне закрыла весь мир — от ветра, от пуль, от уголовников.

— Не бойся, Юля. Сиди и не вставай, — глухо, не оборачиваясь, бросил капитан.

И от спокойной, железной силы в его голосе ледяной ужас, душивший меня три года, впервые отступил.

* * *

Рябой оказался загнан в тупик. За его спиной глухой стеной возвышался кирпичный багажный павильон, слева путь перекрывал штабель просмоленных шпал, а впереди в пяти шагах стоял офицер с пистолетом.

— Оружие на снег. Медленно, двумя пальцами, — ледяным тоном приказал Северцев.

Уголовник затравленно озирался по сторонам. Глядя на его перекошенное лицо, я думала: теперь он понимает, что за вооруженное нападение снова пойдет под суд. Желтые глаза налились безнадежной волчьей яростью.

— Слышь, начальник, разойдемся миром? — просипел Рябой, перекладывая заточку из руки в руку. — Не лезь, не твое дело. Баба с мужем разбирается, чего ты встречаешь?

— Оружие на снег. Считаю до трех, — отрезал капитан, делая шаг вперед и сокращая дистанцию.

Глеб встал между бандитом и канавой, где прятались мы с Данькой. Но перрон таил невидимую опасность: у колонки для заправки вагонов под свежим слоем снега скрывалась гладкая, стекловидная наледь от протекшего вентиля. Подошва тяжелого армейского сапога офицера скользнула вбок, на долю секунды нарушив равновесие.

Этого мига уголовнику хватило.

— Сдохни, сука легавая! — с диким верещанием Рябой сорвался с места, выбрасывая острие заточки снизу вверх — прямо в незащищенное горло полицейского.

У меня перехватило дыхание, беззвучный крик застрял в груди.

Но Северцев даже не моргнул. Вместо попытки отпрянуть он резко повернул корпус вполоборота, хладнокровно приняв выпад клинка на плотный суконный рукав своего пальто. Сталь со скрежетом вспорола ткань, чиркнув по кобуре, но до тела не достала. Глеб убрал пистолет в кобуру. А в следующее мгновение его правая ладонь — огромная, с железными пальцами таежника — намертво захлопнулась на запястье нападающего, словно слесарные тиски.

Рябой дернулся, пытаясь ударить свободной левой рукой в лицо офицера. Но Северцев коротким круговым движением предплечья выкрутил лучезапястный сустав бандита против естественного сгиба.

Раздался сухой, отчетливый хруст ломаемой кости.

Рябой истошно взвыл бабьим голосом, пальцы его разжались, и тяжелая граненая заточка со звоном улетела в сугроб. В отчаянной попытке вырваться бандит ударить капитана коленом в пах, но Глеб жестким блоком бедра погасил удар, провел подсечку и всем весом своего девяностокilограммового тренированного тела впечатал бандита грудью в мерзлые доски перрона. От сокрушительного удара из легких уголовного со стоном выбило весь воздух.

Придавив шею преступника тяжелым коленом к настилу, капитан достал стальные наручники БР-1. Два звонких щелчка храповика намертво сковали руки бандита за спиной.

— Товарищ капитан! Слышал выстрел! — со стороны дежурки вокзала подбежал запыхавшийся сержант Денис Соколов с расстегнутой кобурой.

Северцев тяжело поднялся на ноги, поправляя сбившийся китель. Дыхание его было глубоким, но спокойным:

— Принимай пассажира, Соколов. В обезьянник под замок, глаз не спускать. Заточку из снега оформи как вещдок. Крюк ушел в сторону грузового парка, морда в крови. Пусть путейцы перекроют стрелки на выходе.

— Есть, товарищ капитан! — сержант рывком вздернул скулящего бандита и поволок в здание вокзала.

Площадка опустела. Глеб медленно убрал пистолет в кобуру, шагнул к насыпи и опустился на одно колено прямо в полутораметровый сугроб перед нами.

Стянув грубую офицерскую перчатку, он коснулся моих дрожащих пальцев своей огромной, горячей ладонью. В его прикосновении не было ни капли грубости — только сухая, обжигающая защитная нежность.

— Цела, Юля? — тихо спросил он, и в его темно-серых глазах я увидела неприкрытую острую тревогу. — Данька цел? Не задел он вас?

Я не смогла ответить: горячие слезы облегчения хлынули по моим щекам, и я лишь прерывисто кивнула, прижимая к себе сына.

Глава 2

Мороз наступал с беспощадностью сибирской зимы. Стоило стихнуть грохоту локомотива, как станцию накрыло звенящее безмолвие, в котором треск мерзлых шпал звучал как выстрелы. Ветер с северных перевалов налетел внезапно: колючая поземка закружилась над путями, скрывая рельсы под белыми надувами. Температура стремительно падала к минус тридцати пяти.

— Данюша... маленький мой, вставай, пошли, — сквозь слезы лепетала я, пытаюсь поднять сына на ноги.

Но шестилетний мальчик не двигался. Пережитый дикий ужас, крики и падение в снег сломали его детскую защиту. Данька замер на моих коленях, его личико стало белым как мел, губки посинели, крошечные пальчики судорожно сжались в полы моей шинели. Он даже не плакал — он беззвучно, часто хватал ртом морозный воздух, задыхаясь от спазма гортани.

— Глеб... он задыхается, он замерзает! — в панике выкрикнула я. Мои собственные руки онемели до бесчувствия, ноги подкашивались в сугробе.

Шквальный порыв ветра с визгом ударил по насыпи, сорвав с моей головы пуховый платок и унеся его в темноту стрелочных переводов. Ледяной воздух мгновенно впился в шею сотнями каленых игл.

И в этот миг над нашими головами раздался стонущий треск.

Мы сидели под ветровым скатом старой дореволюционной водонапорной башни. На ее деревянном карнизе за недели буранов вырос тяжелый козырек смерзшегося льда — колоссальная многопудовая глыба. Ударивший порыв бурана надломил промороженную доску, и ледяная махина с гулким свистом рухнула прямо вниз — на меня и скрючившегося ребенка.

Я успела лишь вскинуть глаза, увидев летящую белую смерть.

Северцев среагировал за долю секунды. В одно движение он шагнул вперед, накрывая нас с Данькой сверху своим исполинским телом. Он уперся коваными сапогами в насыпь, сгорбил спину и намертво заблокировал нас руками, создав над нами живой купол из мышц, костей и армейского сукна.

Грохот!

Тяжелая глыба льда с глухим сокрушительным ударом врезалась в его правое плечо и спину, разлетаясь на сотни острых звенящих осколков. Я услышала, как капитан со скрежетом стиснул зубы, сдерживая дикую боль. Но его могучие руки даже не дрогнули. Он принял всю тяжесть удара на себя, не позволив ни единому осколку коснуться Даньки.

— Глеб! — выдохнула я в ужасе. — Вы ранены?!

— Живой, — глухо, через силу процедил он, стряхивая ледяное крошево с плеч. Лицо его побелело от резкой боли в ушибленном плече, но во взгляде не было слабости. — Пацана давай.

Северцев наклонился и подхватил Даньку на руки так легко, будто мальчик в зимней шубке ничего не весил. Расстегнув верхние пуговицы своего пальто, капитан спрятал продрогшего ребенка прямо к себе на грудь — под толстый шерстяной свитер. Туда, где мерно и мощно билось его сильное сердце, где пахло сухим табаком, кедром и жаром живого, несокрушимого мужского тела.

Данька, почувствовав это живое тепло и мерный стук сердца, судорожно всхлипнул. Его ручонки выпростались из рукавов, обвили шею офицера, а мокрый от слез нос уткнулся в жесткий каракулевый воротник пальто.

— Ну всё, парень, всё... — тихо, с неожиданной нежностью пробасил Глеб, и его огромная ладонь бережно легла на затылок ребенка. На обветренном лице боевого офицера впервые

проступила мягкая, глубокая отцовская теплота. Данька затих, слушая биение сердца человека, заслонившего его от смерти.

Затем Глеб протянул свою свободную левую руку мне:

— Руку давай. Хватит в сугробе сидеть.

Я вложила пальцы в его горячую ладонь. Одним плавным рывком он поднял меня из канавы на настил платформы, словно я ничего не весила. Ноги мои подкосились от пережитого шока, я покачнулась, но капитан притянул меня к своему боку, накрыв полой пальто от колючего снежного вихря.

— Идем, Юля. В дежурке печь топится, согреетесь. Держись за меня.

И мы пошли сквозь ночной буран. Я шла, прижавшись к его надежному плечу, слушая хруст его уверенных шагов по насту. Ветер яростно выл на стрелках, но под полой его офицерского пальто мне впервые за три года бегства было тепло и безопасно.

* * *

В дежурной комнате линейного пункта полиции было натоплено до духоты. Чугунная буржуйка в углу гудела басовито и яростно, светясь вишневым жаром, пахло березовым дымом, чаем и оружейным маслом.

Сержант Соколов уже хлопотал вокруг Даньки: снял с него мокрые валенки, укутал ноги в шерстяное солдатское одеяло и протянул граненый стакан в массивном никелированном подстаканнике с мчащимся паровозом.

— Пей, герой, пей с малинкой, тетя Зинаида из медпункта баночку передала, — приговаривал сержант. Данька, с порозовевшими щечками, держал стакан обеими ручонками, делая маленькие глотки и не спуская восхищенных глаз с Северцева.

А у противоположной стены, прикованный наручниками к тяжелой чугунной батарее, на табурете сидел Рябой. Сломанная кисть бандита неестественно висела, распухнув и посинев, по подбородку размазалась запекшаяся кровь. Увидев, как я зашла в комнату, уголовник нагло оскалится и смачно сплюнул на пол:

— Зря лыбишься, начальник, — прохрипел он, глядя на Глеба исподлобья. — Крюк тебя из-под земли достанет. Станцию по бревнышку раскатают, ментовку сожгут к чертям, а девку с щенком по кругу пустят в товарном вагоне. Недолго вам радоваться осталось...

Я вздрогнула, сердце болезненно сжалось. Я сделала шаг назад, инстинктивно заслоняя собой сына.

Северцев, снимавший портупею, замер. Медленно он повернулся к задержанному. В его взгляде была такая леденящая, тяжелая пустота таежного волка, что Рябой мгновенно поперхнулся собственными угрозами, судорожно сглотнул и попытался вжаться в стену.

— Еще одно слово в присутствии женщины и ребенка, — негромко, страшным шепотом произнес капитан, подходя вплотную, — и я оформлю тебе попытку к бегству прямо здесь. Ты меня понял, гнида?

Рябой торопливо, мелко закивал, опуская глаза в пол.

— Соколов, досмотр закончил?

— Так точно, товарищ капитан! Финку изъят, патроны к нагану... Но главное вот, — сержант подошел к столу, держа яловый сапог бандита. — Голенище двойное, на потайном сапожном шве.

Соколов подцепил лезвием край кожи и вытащил плотный лист бумаги, сложенный вчетверо. Рябой дернулся на табурете, пытаясь зубами вырвать чертеж, но Северцев жестким движением ладони прижал голову бандита к стене, забрал схему и развернул ее на столе под лампой.

— Юля, подойди.

Я взглянула на чертеж — и мороз пробежал по коже.

Это была подробная путевая схема станции Магистральный: стрелочные переводы, тупики, трансформаторная подстанция. А на втором пути жирным красным карандашом был обведен почтово-багажный склад и сделана пометка четким почерком: *«Поезд № 44. Стоянка 00:15–00:25. Вагон № 3 — спецгруз прииска „Северный луч“ (золото, 450 кг). Броня, три инкассатора. Блокировать стрелку № 2, отрезать входной семафор, брать на выходе из кривой»*.

— Господи... — выдохнула я, прижимая ладонь к губам. — Скорый сорок четвертый... Он же послезавтра ночью идет! С золотым караваном с прииска!

— Значит, вот зачем Крюк сюда заявился, — глухо произнес Глеб, сжимая желваки на скулах. — Не только за тобой он шел, Юля. Ему нужен был свободный проход по узлу и заложник, чтобы шантажировать дежурного по станции. Он хотел взять эшелон с золотом и уйти по заброшенной ветке в тайгу. А Данька нужен был как живой щит.

Я посмотрела на уснувшего сына. Кедровый паровозик выскользнул из его маленьких пальцев и лежал на лавке. Внутри меня все похолодело от мысли, какая участь ждала моего ребенка, если бы я замешкалась на перроне, если бы не ударила сумкой, если бы не подоспел Глеб.

Северцев убрал чертеж в массивный несгораемый сейф и запер на два оборота ключа.

— Соколов! Задержанного немедленно на санитарную летучку и под тройным конвоем в районный ИВС. Запроси усиленный наряд на ночь прохождения сорок четвертого.

— Слушаюсь! — сержант скрутил бандита и поволок к выходу.

Глеб подошел к столу, налил из чайника кружку крепкого кипятка, пододвинул мне и посмотрел прямо в глаза:

— В свой щитовой домик на краю поселка ты больше не вернешься, Юля.

Я подняла на него глаза, полные растерянности:

— Как не вернусь?.. Глеб Егорович, у меня там вещи... И куда мне идти посреди ночи?

— Крюк на свободе, — отрезал капитан непререкаемым командирским тоном. — Он ранен, взбешен и знает твой адрес. Твой домик топором вскрыть можно за две минуты. На станции оставаться тоже нельзя: если начнется налет на пути, вокзал будет под огнем первым. Разговор короткий: вы с Данькой сейчас же переезжаете ко мне в пятистенок. Под мою личную охрану.

Сердце испуганно забилося. Переехать к мужчине? К начальнику полиции?

— Глеб Егорович... нельзя мне к вам, — тихо, отчаянно запротестовала я, пряча глаза. — Вы не понимаете... Поселок судачить начнет. Скажут: дежурная Ветрова двух месяцев не отработала, а уже к капитану в дом прибилась, на шею села. Я лучше в дежурке на деревянном сундуке переночую, закроюсь изнутри...

Северцев молча поставил кружку. Сделал два широких шага, положив свои тяжелые горячие руки мне на плечи.

Его пальцы сжали сукно кителя с несокрушимой, властной силой, заставляя меня поднять голову. Он заглянул мне в глаза своим темным немигающим взглядом:

— Плевать мне на деревенские пересуды, Юля. И тебе должно быть плевать, когда на кону стоит жизнь твоего сына и твоя собственная. Я офицер, я дал присягу. Пока я на службе, вас будут охранять мои люди. В этом доме вы будете под защитой и днем и ночью. Вопрос закрыт. Одевай Даньку.

Я смотрела в его обветренное строгое лицо и чувствовала тепло его ладоней. Впервые мужчина принимал решение не ради того, чтобы сломать меня или подчинить. Он закрывал меня собой от целого мира.

Слезы снова подступили к глазам, но это были слезы освобождения от невыносимого груза одиночества.

— Хорошо, — едва слышно выдохнула я. — Я согласна.

Глеб бережно отпустил мои плечи. Завернул спящего Даньку в шерстяное одеяло, осторожно поднял на руки, прижав к груди. Мальчик сладко чмокнул во сне губами, не просыпаясь. Я подхватила служебную сумку и кедровый паровозик сына.

Мы вышли в ледяную сибирскую ночь.

Метель кружила над путями, но теперь буран не пугал меня. Мы перешли через запасные пути, поднялись по тропинке на опушку кедрача, где за высоким забором темнел массивный рубленый пятистенки Северцева из вековых сосновых бревен.

Глеб поднялся на крыльцо, открыл тяжелую дверь из толстых плах и впустил меня в пахнущие смолой и березовыми дровами сени. Занес Даньку, бережно уложив на широкую лавку, застеленную овчинами.

Затем капитан захлопнул тяжелую входную дверь, поднял кованный дубовый засов и опустил его в массивные железные скобы косяка.

Бух!

Глухой монолитный стук запирающегося дерева отозвался во всем доме, словно удар колокола. Этот звук прозвучал для меня как окончательный приговор моему прошлому. Тюрьма, побои Крюка, страх, ночные побеги — все осталось там, за порогом, в ледяной метели.

Глеб снял каракулевую шапку и повернулся ко мне в полумраке сеней. В щель двери горницы падал теплый золотистый свет от пылающей русской печи, озаряя его суровое, мужественное лицо.

— Здесь вы дома, Юля, — негромко, но с глубокой твердостью произнес он. — За этими стенами тебя и Даньку больше никто и никогда не посмеет тронуть. Слово офицера.

Я прижала к груди кедровый паровозик сына и впервые за три долгих года глубоко, свободно и легко выдохнула. За этой спиной можно было жить.

Глава 3

Я открыла глаза от отчетливого, сухого скрипа тяжелой сосновой половицы.

За три года бесконечного бегства от Крюка любой ночной звук в темноте означал только одно: пьяный угар, летящая в стену посуда и тяжелые кулаки, от которых некуда спрятаться. Сердце мгновенно оборвалось в ледяную пустоту. Дыхание перехватило. Инстинктивно, не помня себя от фантомного ужаса, я метнулась вглубь постели, накрывая собой худенькое тельце сына.

Но под пальцами было не холодное тряпье съемных углов, а мягкая, сухая овчина огромного тулупа. От беленых кирпичей веяло глубоким, благодатным жаром. В избе пахло сухой сосновой смолой, березовыми углями и топленным молоком. Сквозь морозные папоротники узоров на стеклах пробивался чистый, ослепительно розовый рассветный луч. Рядом, сладко сопя и уткнувшись носом в пуховую подушку, спал Данька. Его вихрастая макушка пахла чистым мылом и безмятежным детским сном. Живой. В безопасности. Я прислушалась: за толстыми сосновыми венцами избы глухо посвистывал таежный ветер, но этот мороз больше не мог дотянуться до нас. Впервые за три года мои плечи расправились сами собой, отпуская многопудовую пружину въевшегося страха.

Скрип повторился. Из кухни донеслось глухое позвякивание чугуна и легкий металлический лязг.

Я не имела права рисковать. Бесшумно сбросив край тулупа, я соскользнула с высокой печной лежанки на цыпочках. Дощатый пол под босыми ногами был прогретым и гладким, выскобленным добела. На полке у печного чела рука нащупала тяжелый литой медный подсвечник. Сжав металл до побелевших костяшек, я осторожно, шаг за шагом, двинулась к приоткрытой двери горницы.

Заглянув в щель, я замерла с поднятой рукой.

У пылающего жерла русской печи стоял Глеб.

На нем не было офицерского кителя с капитанскими погонами — только широкая холщовая рубаша с расстегнутым воротом и суконные брюки, заправленные в мягкие кожаные ичиги. В отсветах пламени его широкие плечи и мощная спина казались вылитыми из бронзы. Он ловко орудовал длинным кованым ухватом, выкатывая из жара закопченный чугунок, от которого валил густой янтарный пар разваристой пшенной каши на топленном молоке.

Половица подо мной предательски щелкнула.

Краска стыда мгновенно обожгла мои щеки: я стояла простоволосая, с растрепавшимися по плечам светлыми волосами, босая, в мятом шерстяном платье, с дурацким медным подсвечником наперевес — перепуганная, дикая баба, готовая обороняться в чужом доме от своего спасителя.

Глеб обернулся на звук. В полумраке кухни его темно-серые глаза блеснули мягким, спокойным светом. Скользнув взглядом по подсвечнику, он не усмехнулся и не съязвил. Капитан деликатно отвел глаза от расстегнутого ворота моего платья и сдержанно кивнул в сторону медного умывальника:

— Доброе утро, Юля. Врагов в этом доме нет, опусти оружие. Вода колодезная, в кувшине на припечке согрелась, полотенце чистое на гвозде висит. Умывайся, буди парня. Каша поспела.

Я торопливо спрятала подсвечник на лавку, пробормотав смущенные извинения, и ополоснула лицо свежей, пахнущей талой стужей водой.

Через десять минут мы сидели за широким кедровым столом. Данька кулачками протирали заспанные глазенки, настороженно поглядывая из-под бровей на великана-хозяина. После вчерашнего кошмара ребенок все еще ждал окрика или беды.

Но Глеб взял большую деревянную ложку, щедро отрезал от желтого бруска добрый ломоть топленого масла и опустил прямо в дымящуюся кашу в глиняной миске мальчика:

— Ешь досыта, боец. На сибирском морозе силы нужны, чтобы снежные крепости строить.

Данька зачерпнул янтарное пшено, сунул в рот — и его личико озарилось чистым восторгом. Сын заработал ложкой с таким аппетитом, что за ушами затрещало.

Глядя на него, я достала из кармана старый кожаный кошелек с нашими скромными рублями и положила на край стола:

— Глеб Егорович... возьмите за постой и продукты. Нам чужого куса не надо, я дежурной работаю, зарабатываю...

Тяжелая, сухая ладонь офицера накрыла мои пальцы. Его прикосновение было мягким, но в нем чувствовалась такая непрекращаемая сила, что рука моя сама замерла:

— Спрячь деньги, Юля. И никогда больше в этом доме их на стол не выкладывай. За хлеб и кров с женщин и детей я платы не брал и не возьму. Вопрос закрыт.

Данька, доев кашу, слез со скамьи и на цыпочках подошел к спинке кресла, где висел китель Северцева. Мальчик зачарованно тронул пальчиком золотистые капитанские звездочки на суконных погонах:

— Дядя Глеб... а вы взаправду главный начальник полиции? А бандитов еще ловить будете?

Глеб мягко усмехнулся, поднял мальчика за пояс и посадил к себе на широкое колено:

— Будем, Данила. Служба такая. Но сначала мы с тобой деревянный поезд починим. Пойдешь в мастерскую?

Глаза Даньки вспыхнули таким счастливым огнем, какого я не видела в них никогда.

* * *

Прируб пятистенка занимала просторная столярная мастерская. Здесь пахло свежей сосновой стружкой, терпким кедром и льняным маслом. Вдоль бревенчатых стен ровными рядами висели рубанки, лучковые пилы и стамески с полированными рукоятями. Посередине высился тяжелый дубовый верстак с массивными железными тисками.

Данька робко переступил порог, опустив голову. Сунув ручонку в кармашек шубейки, он вытащил старый деревянный паровозик. Одно колесико игрушки отломилось под корень во вчерашней потасовке на перроне.

— Мамочка, он больше не поедет... — всхлипнул Данька, и слезинка скатилась по его щеке. — Он сломался...

Я присела рядом, погладив сына по голове:

— Не плачь, маленький. С первой полочки я куплю тебе в станционном сельмаге самый красивый, заводной паровоз.

— Мне не надо новый! — мальчик упрямо прижал игрушку к груди. — Этот дедушка Сергей подарил, когда живой был!

Глеб опустился перед ним на корточки. Осторожно взял искалеченный деревянный паровозик в свои огромные ладони, внимательно осмотрел скол колесной пары и покачал головой:

— Выбрасывать память нельзя, боец. Настоящие железнодорожники поломки чинят своими руками. Пойдем к станку.

Данька робел перед блестящими стальными резцами небольшого токарного станка по дереву. Глеб бережно усадил его на край верстака, дал в руки гладкий, пахнущий медом и хвоей брусок выдержанного кедра и надел на мальчика защитные очки:

— Держи дерево. Чувствуешь, какое оно теплое и живое?

Капитан поставил Даньку рядом с собой, зажал брусок в станке и принялся вытачивать колесико. Мальчик смотрел, затаив дыхание.

Золотистая, шелковистая стружка вихрем взметнулась из-под лезвия, осыпая их плечи и наполняя мастерскую смолистым духом. На глазах у затаившего дыхание ребенка бесформенный кусок кедра превращался в идеальное точеное колесико с филигранной путевой ребордой.

— Ну вот, готово, — Глеб выключил станок, сдул древесную пыль и аккуратно запрессовал новую кедровую колесную пару на тонкую стальную ось.

Данька поставил паровозик на гладкую доску верстака, легонько толкнул его ладошкой — и игрушка с мягким, звонким перестуком покатила через весь стол!

— Едет! Мама, он едет! — восторженно закричал мальчик, подпрыгивая на месте.

Глеб довольно улыбнулся и достал с полки над верстаком старый путевой альбом Кругобайкальской магистрали, развернув на верстаке подробный чертеж легендарного паровоза серии «Э». Капитан положил руку на плечо мальчика и принялся показывать ему, как устроены настоящие паровозные дышла, топки и кривошипы. На плотном ватмане красовался могучий стальной локомотив с огромными ведущими колесами. Данька благоговейно коснулся пальчиком нарисованного прожектора: «Дядя Глеб, а он сквозь тайгу прямо в метель едет?» — «Едет, боец. Никакая пурга его с рельсов не собьет, если путейцы и машинист свое дело знают», — с улыбкой ответил капитан.

Стоя в дверном проеме, я перевела взгляд на стену над верстаком. Там висела фотография Глеба с молодым лейтенантом. Капитан заметил мой взгляд и негромко сказал: «Серег. Напарник мой. Погиб три года назад». Глядя на его застывшее лицо, я не решилась расспрашивать.

В памяти против воли всплыл пьяный оскал Крюка, швырявшего машинки сына в стену со словами: «Нечего баловать щенка». Контраст между бандитской жестокостью и благородной силой этого сурового офицера окончательно смыл горечь прошлых унижений, наполняя мое сердце тихим, глубоким покоем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.